

Андреас Буллер

Мораль и язык национал-социализма*

Слова могут уподобляться мизерным дозам мышьяка: их незаметно для себя проглатывают, они вроде бы не оказывают никакого действия, но через некоторое время отравление налицо.

В. Клемперер

Андреас Буллер (Andreas Buller) – доктор философских наук (Dr. Phil.). Министерство по социальным делам и интеграции земли Баден-Вюртемберг, Германия; Томский гос. университет; Гос. академический университет гуманитарных наук. Germany, 70173, Stuttgart, Else-Josenhans-Straße 6; e-mail: andreas.buller@gmail.com

В основе данной статьи лежит конкретный источник – дневники немецкого филолога еврейского происхождения Виктора Клемперера, которые он вел в годы Третьего рейха. На основе этих дневников автор исследует три центральных проблемы тоталитарного языка: его возникновения и распространения, взаимосвязи языка с идеологией и моралью нацистского общества, проблему ответственности человека за свой общественный язык. Главный вопрос, который ставит перед собой Клемперер и который также мы должны поставить перед собой, заключается в том, при каких условиях язык экстремистского (расистского, религиозного, революционного) меньшинства становится языком большинства? В каких условиях он принимает тоталитарные формы? Опасность тоталитарного языка заключается в том, что этот язык создает мнимую легитимную основу для исключения из человеческого (со)общества определенной группы или определенных групп людей, которые в глазах этого (со)общества превращаются в аутсайдеров. Именно язык позволяет обозначать, маркировать и отсеивать

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, проект № 19-18-00421 «Проблема исторической ответственности: этико-нормативные основания, дискурсивные практики и медиа-репрезентации». Funding: The reported study was funded by RFBR, project No. 19-18-00421 «Problem of historical responsibility: ethic-normative foundations, discursive practices and media representations».

аутсайдеров. Но за подобной тактикой исключения меньшинств всегда стоит определенная мораль, которая включает в себя как конкретные (без)нравственные убеждения, так и этические представления. Именно так обстояло дело с моралью национал-социализма. Нацистская мораль была пронизана духом расизма и антисемитизма, который ярко проявил себя в языке национал-социализма. По этой причине исследование нацистского языка с неизбежностью предполагает изучение и морали национал-социализма, элементы которой время от времени неожиданно возрождаются в современном немецком языке и прежде всего в языке современных немецких экстремистов и расистов.

Ключевые слова: язык, мораль, расизм, антисемитизм, национал-социализм, Третий рейх, историческая ответственность

Язык, мораль, ответственность

Иногда совершенно обычные дневниковые тексты и воспоминания могут дать толчок философским размышлениям. На подобные размышления натолкнули меня дневники немецкого филолога еврейского происхождения Виктора Клемперера о языке Третьего рейха, которые в 1990-х гг. были изданы и на русском языке¹. Эти дневники представляют собой уникальное явление, ибо Клемперер вел их в самый мрачный и опасный период своей жизни – в период нацистского господства, когда проживающим в Германии евреям было, откровенно говоря, не до ведения дневников. Но Клемперер нашел время для того, чтобы регулярно фиксировать свои повседневные впечатления о наблюдаемых им событиях и процессах, в надежде на то, что их прочтает человек будущего. Его ожидания сбылись. Современный читатель охотно читает дневники Клемперера – остроумного и проницательного, внимательного и интеллигентного наблюдателя, который мастерски описывает детали происходящих в Третьем рейхе событий и анализирует их глубинные причины. При этом методика Клемперера очень проста – он исследует только язык Третьего рейха. Не более того. Но метод его анализа оказался очень эффективным средством, который позволил понять не только повседневную жизнь, но и мировоззрение, а также мораль идеологов Третьего рейха.

Языковой анализ Клемперера включает в себя анализ, с одной стороны, слов, понятий, жестов, символов и ритуалов нацистского режима; с другой же – его мышления и идеологии. Надо сказать, что Клемперер интерпретирует здесь понятие «язык» в самом широком смысле этого слова, демонстрируя читателю, каким образом язык иницирует, направляет, организует и даже легитимирует действия людей. Без знания языка национал-социализма мы не смогли бы дать ответ на вопрос, почему немецкий фашизм совершил свои страшные преступления.

¹ Клемперер В. LTI. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога. URL: http://almenda.org/wp-content/uploads/2015/03/klemperer_viktor_lti_yazyk_tretego_reiha_zapisnaya_knizhka_filologa_2015_03_15_23_16_13_461.pdf (дата обращения: 26.05.2020).

Дневники Клемперера, без всякого сомнения, являются «хроникой нацистского режима». Однако любая хроника всегда предлагает *определенную* перспективу взгляда на события. Записи Клемперера в этом случае не являются исключением: также они открывают нам *определенную* перспективу взгляда на события в Третьем рейхе, а именно – перспективу взгляда жертвы на них. Анализируя язык национал-социализма, Клемперер пытается найти ответ на вопрос, каким образом человек оказался способен на то, на что он оказался способен в нацистской Германии. В этом смысле его поиск принимает форму антропологического исследования, ибо Клемперер стремится понять, *что* есть человек и *в чем* его суть? По этой причине его дневниковые записи являются, несомненно, попыткой и философской рефлексии о крупнейшей трагедии в немецкой истории.

И еще один существенный момент характеризует его повседневные заметки. Когда мы утверждаем, что работа Клемперера посвящена исследованию языка национал-социализма, то это не совсем верно. Точнее было бы сказать, что Клемперер исследует не эволюцию немецкого языка, а эволюцию общественного сознания в немецком обществе первой половины XX столетия, которая нашла свое отражение в общественном языке вильгельмовской эпохи, языке Веймарской республики, языке Третьего рейха и позже в языках двух разделенных Германий. Все эти эпохи Клемперер (1881–1960) пережил лично. В данной статье я, однако, целиком и полностью сконцентрируюсь на анализе языка Третьего рейха (ЛТИ). При анализе этого языка я особо остановлюсь на следующих моментах: (1) возникновение и распространение тоталитарного языка, (2) его связь с идеологией и моралью национал-социализма, а также (3) ответственность современного человека за его язык.

Возникновение и распространение языка национал-социализма

Описывая процесс установления нацистских порядков, исследователи часто употребляют понятие «gleichschalten» («одновременное подключение» или «унифицирование»). Здесь имеется в виду одновременное «подключение» всех сфер общества к нацистской идеологии, которое осуществлялось прежде всего через унифицирование его языка. Процесс унификации языка охватил собой в нацистской Германии как государственные учреждения, так и политические органы, а также печать, систему образования и здравоохранения, сферу науки и культуры и, разумеется, частную сферу. Все, играющие какую-либо роль в общественной жизни Германии организации, союзы и объединения, учреждения были охвачены этим процессом, который протекал настолько стремительно, что его обозначают термином «переключение». Путем мгновенного нажатия на лингвистическую кнопку все немецкое общество было мгновенно «переключено» на новый режим жизни. Сам Клемперер пишет по этому поводу: «Так и слышишь щелчок кнопки, приводящей людей – не организации, не безличные административные единицы – в движение, единообразное и автоматическое. Учителя всевозможных учебных заведений, группы разных чиновников юридических и налоговых служб, члены “Стального шлема”,

SA и т.д. и т.п. были практически все сплошь подключены»², т.е. поставлены под полный контроль режима.

После прихода к власти NSDAP немецкий язык из языка партии и небольшой группы «превратился в язык народа, что значит – подчинил себе все общественные и частные сферы жизни: политику, право, искусство, науку, школу, спорт, семью, детские сады и детские комнаты»³. Следствием этого процесса явилось полное и абсолютное «униформирование»⁴ языка. Униформа, как известно, предполагает введение единой, одинаковой и обязательной формы одежды, которая исключает любые ее другие варианты. Процесс «униформирования» сопровождался выкорчевыванием «враждебных» или «неподходящих» слов и выражений. Клемперер применяет в этом случае очень удачный пример, сравнивая тоталитарный язык с монокультурой, которая заменила собой цветущие поля самых различных растений: «Чтобы осознать все рабское убожество униформированного языка», – пишет он, – «нужно представить себе это богатое цветение, разом прервавшееся после 1933 года»⁵.

Процесс униформирования языка сопровождался массовым и повсеместным введением не только нацистских слов, выражений и терминов, но и нацистской символики, которую немецкие фашисты могли практически беспрепятственно распространять в стране еще до своего прихода к власти. Эта символика была довольно разнообразной: она включала в себя как знамена и флаги со свастикой, униформу, а также знаки в виде рун (молнии SS), факельные шествия и торжественные парады. Последние должны были наглядно продемонстрировать величие и неповторимость нового режима:

За свою жизнь я повидал множество парадов, но никогда прежде и, что поразительно, никогда впоследствии, ни на одном параде перед фюрером, ни на одной демонстрации в Нюрнберге я не видел ничего подобного тому, что было этим вечером. Солдаты вскидывали ноги так, что казалось, будто кончики сапог взлетают выше носов, это был единый рывок единой ноги, а в выправке всех этих тел, нет, единого тела, было столько судорожного напряжения, что движения словно застывали, как уже застыли лица, и весь отряд, несмотря на предельную его подвижность, производил вместе с тем впечатление безжизненности⁶.

Более всего, надо сказать, Клемперера поразила фигура тамбурмажора, для которого «парад», казалось, служил лишь фоном собственной презентации, ибо «то, что он проделывал, было не просто шагистикой, это был и архаический танец и церемониальный марш, а сам он сочетал в себе факира и гренадера [...]. Тамбурмажор был моей первой встречей с национал-социализмом, и эта встреча меня потрясла»⁷, – откровенно пишет Клемперер.

² Клемперер В. ЛТЛ. С. 87–88.

³ Там же. С. 11.

⁴ Удачнее, возможно, звучало бы здесь понятие «унифицирование», но переводчик применил в этом случае именно понятие «униформирование».

⁵ Клемперер В. ЛТЛ. С. 13.

⁶ Там же. С. 11.

⁷ Там же.

Военный парад является методом живой (live-method) театрализованной демонстрации «мускулов страны». Язык парада – это язык силы. По аналогии с языком музыки или балета он понятен всем. Парад, как правило, содержит в себе элементы музыки и танца, которые, сопровождая процесс демонстрации военной техники, оказывают на людей незабываемое впечатление. Сохраняя символику прошлого, парад в то же время устремлен в будущее. Он есть «праздник будущего».

Существовали, однако, и другие не менее эффективные методы влияния на общественное сознание, как, например, средства массовой информации, которые сыграли ключевую роль в процессе «подключения» общества к идеологии национал-социализма. СМИ, как известно, в состоянии не только формировать общественное мнение, но и существенно влиять на него. По этой причине тоталитарные системы стремились в первую очередь поставить под свой контроль прессу и радио (в наше время подконтрольные власти телевидение и интернет). С 1933 г. выпуск новых книг, включая «партийные книги», был невозможен без разрешения цензуры. «По примеру папской цензуры на титульном листе партийных книг стояла теперь надпись: “Против публикации данного издания со стороны NSDAP возражений нет. Председатель партийного контроля комиссии по защите национал-социализма”»⁸. Печатные органы могли публиковать лишь то, что спускалось из центра. Все печатные материалы проходили «нормативную обработку» в партийных инстанциях, и в случае малейших отклонений от установленной формы материал не допускался к печати: «книги и газеты, служебная переписка и бюрократические формуляры – все плавало в одном и том же коричневом соусе»⁹, – констатирует Клемперер. Жесткая цензура разбудила желание режима контролировать также частную сферу жизни, в которой, как известно, курсируют политические анекдоты и бесконтрольно распространяются слухи. Эту задачу взяла на себя политическая полиция Третьего рейха – гестапо.

После того как СМИ были взяты под полный контроль, они превратились в «инструменты» господствующего режима, который стал их эффективно использовать в пропагандистских целях. При этом Клемперер указывает на два, изобретенных еще до прихода к власти национал-социалистов, метода организации массовой пропаганды. Первый метод использовался античными демократиями. Суть его заключалась в искусстве управления полисом/городом. Клемперер называет его «методом Руссо», потому что Руссо – это прежде всего «политик – оратор, который обращается к народу, собравшемуся на рыночной площади, для Руссо спортивные и художественные мероприятия, в которых участвует народное сообщество, – суть политические институты и средства для привлечения людей»¹⁰.

Второй метод, как считает Клемперер, был изобретен не нацистами, а большевиками, которые с помощью новых технических изобретений – радио и кино – смогли «распространить ограниченное пространство методом древних

⁸ Клемперер В. ЛТІ. С. 13.

⁹ Там же. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 30.

и Руссо на “безграничное пространство”: вождь теперь реально и персонально обращается “ко всем”, даже если счет этим “всем” идет на миллионы, даже если отдельные группы этих “всех” находятся за тысячи километров друг от друга»¹¹. Тезисы Клемперера о медиальном развитии массовой пропаганды можно, конечно, в чем-то и оспаривать, но одно остается вне всякого сомнения: впервые методы массовой пропаганды стали применять для нужд государственной власти именно большевики. Нацисты получили такую возможность лишь в 1933 г. До этого момента нацистская пропаганда вынуждена была конкурировать с другими источниками информации и терпеливо выносить критику в свой адрес. Несмотря на несомненные параллели между большевизмом и национал-социализмом, мы должны учитывать тот факт, что речь в этом случае идет о различных тоталитарных системах власти, которые, без всякого сомнения, нужно сравнивать друг с другом (а иначе нам не понять их сути), но в то же время не отождествлять друг с другом¹².

Специфика любой пропаганды заключается в том, что она стремится не только распространить информацию, но и «разбудить» определенные чувства у людей. Поэтому пропаганда оперирует такими эмоциональными категориями, как «свой» и «чужой». Идеология нацизма не являлась в этом случае исключением: «Жаргон Третьего рейха эмоционализирует речь, а это всегда подозрительно»¹³, – констатирует Клемперер. Ведь пропагандистская речь адресуется не избранной аудитории, она нацелена на широкие массы. По этой причине она должна быть понятной всем, а значит, быть максимально доступной. Почти все речи Гитлера, замечает Клемперер, звучат

на грани исступления, выкрикиваются часто срывающимся хриплым голосом, но сегодня – некоторое разнообразие: многие пассажи произносятся с плачущими интонациями проповедника-сектанта. ОН проповедует мир, ОН призывает голосовать за мир, ОН хочет, чтобы Германия сказала «Да», не из личного тщеславия, а только ради возможности защитить мир от безродной международной клики дельцов, гешефтмахеров, готовых ради наживы безжалостно стравить между собой народы, миллионы людей¹⁴.

Отвергая универсальную мораль, Гитлер в то же время использовал ее в своих целях. Именно такое, явно противоречивое, отношение к морали проявляло себя повсеместно в языке национал-социализма, который, рассуждая о «совести», «чести» и «долге», в то же время активно внедрял в общественный язык расистские понятия. Принятые в 1935 г. «Нюрнбергские законы» («Reichsbürgergesetz» и «Gesetz zum Schutze des deutschen Blutes und der deutschen Ehre») демонстрируют это нам наглядно. Последние включали в себя такие выражения как «artfremd» («враждебный вид людей»), «Rassenschande» («расовый позор»), «Rassenreinheit» и «die Reinheit des deutschen Blutes» («расовая

¹¹ Клемперер В. ЛТИ. С. 30.

¹² См.: Koepen G. Bolschewismus und Nationalsozialismus. Geschichtsbild und Gesellschaftsentwurf // Terroristische Diktaturen im 20. Jahrhundert. Strukturelemente der nationalsozialistischen und stalinistischen Herrschaft / Hrsg. von M. Vetter. Opladen, 1996. S. 172.

¹³ Клемперер В. ЛТИ. С. 21.

¹⁴ Там же. С. 23.

чистота» и «чистота немецкой крови»), «Schädigung des Volkskörpers» («заражение народного тела»), «rasische Säuberung» («расовая чистка»), «jüdisches Blut» («еврейская кровь»).

Первый шаг к разрушению универсальной морали человек делает все-таки на языковом уровне. Террор и репрессии становятся возможными, как правило, там, где на государственном уровне начинают применяться в нравственном отношении абсолютно нелегитимные понятия, которые нацелены на устранение и уничтожение определенных групп или меньшинств. Именно такие – человеконенавистнические – слова и понятия стали окутывать немецкое общество как густой дым. Новый язык не знал различия между произнесенным и написанным, между официальным и частным словом. «Для него: всё – речь, всё – общественность»¹⁵. Этот язык стал проникать во все сферы жизни, включая и детскую сферу. «В магазине игрушек я видел мячик с изображением свастики»¹⁶, – констатирует Клемперер.

Нацистская символика предлагалась и продавалась, навязывалась и предписывалась не только сторонникам, но и жертвам режима. Символы нацизма вынуждены были носить также преследуемые нацистами евреи.

Сегодня я опять спрашиваю себя, как спрашивал уже сотню раз, и не только себя, но и других, самых разных людей, – пишет в своих дневниках Клемперер, – какой день был самым тяжким для евреев за двенадцать адских лет? На этот вопрос я всегда получал – и от себя, и от других – один и тот же ответ: 19 сентября 1941 г. С этого дня надо было носить еврейскую звезду, шестиконечную звезду Давида¹⁷.

Это был желтый лоскут с черной надписью «еврей». Согласно предписаниям гестапо евреи обязаны были носить звезду во всех общественных местах. Если человек прикрывал ее папкой или же книгой, то ее «преднамеренное сокрытие» наказывалось очень жестко и нередко вело человека в концлагерь¹⁸.

В этой связи возникает элементарный вопрос: для чего нацистам нужно было маркировать определенную группу людей? Ответ на этот вопрос звучит парадоксально: это нужно было делать потому, что эта группа ничем, практически ничем не отличалась от большинства немецкого населения! Сам Клемперер долгое время не чувствовал себя «евреем», ибо немецкое еврейское меньшинство, как никакое другое, идеально интегрировалось в немецкое общество и практически ничем не отличалось от него. Немецкие евреи прекрасно владели немецким языком, они говорили и одевались точно так же, как и все остальное немецкое общество. В культурном и языковом отношении они были не «чужими», а «своими». Однако в этой уникальной и успешной интеграции еврейского меньшинства национал-социализм увидел «коварную попытку» евреев «скрыть свою сущность». Отсюда и стремление нацистов – «пометить» звездой Давида «чужих» среди «своих». Эта звезда служила своего

¹⁵ Клемперер В. ЛП. С. 14.

¹⁶ Там же. С. 17.

¹⁷ Там же. С. 94.

¹⁸ Там же. С. 97.

рода «мишенью», причем вполне реальной мишенью, ибо живущие в Третьем рейхе евреи буквально оказались «под дулом автомата».

Надо сказать, что та мораль, которая делит людей на «своих» и враждебных ей «чужих», проповедует, как правило, свои собственные, отличающиеся от общечеловеческих, ценности. Важным средством формирования подобной морали является постоянное противопоставление себя опасному «другому»/«чужому», подчеркивание своего превосходства, а также восхваление своего «великого прошлого». Именно таким образом и поступали нацистские лидеры, которые стремились возродить исторические традиции немецкого народа и таким образом вернуться к «истинно германским корням». По этой причине в моду в нацистской Германии стали входить самые различные символы давно ушедшего времени, как, например, давно позабытые, древнегерманские имена: Дитер, Детлев, Уве, Маргит, Ингрид, Ута. Христианские же имена стали даваться новорожденным, напротив, очень неохотно, ибо их носители немедленно вызвали подозрение в оппозиционности¹⁹. Если имя «Криста» и ему подобные – при всей их дурной репутации – все же допускались в книги записей актов гражданского состояния, то имена, ведущие происхождение из Ветхого Завета, были строго запрещены: «ни один немецкий ребенок не может носить имя Лия или Сара»²⁰. Надо сказать, что германизации подверглись не только личные имена, но и находящиеся в восточной Германии селения, которые имели славянские или литовские исторические корни. Тысячи населенных пунктов были переименованы на «немецкий лад». Из тьмы веков к тому же стали извлекаться древние и никому не известные имена советников магистратов и бургомистров, в честь которых стали называться улицы сел и городов²¹. Нацисты, таким образом, создавали новую действительность и с помощью своего специфического языка. При этом нацистское сущее (Sein) претендовало на роль нацистского должного (des Sollens), находя в последнем свое теоретическое обоснование. Существенной чертой этого процесса создания нового (без)нравственного порядка являлось явное и непрекращающееся доминирование прошлого над настоящим. Немецкое прошлое героизировалось и наполнялось мифами о самопожертвовании («Helden- und Opfertod»). Последние служили образцом нравственного действия для нынешних поколений²². Отсюда и «абсолютно немислимое сочетание слов “со скорбью и гордостью сообщаем о гибели”...» в траурных объявлениях немецких газет²³. Нацистский режим призывал оставшихся в живых испытывать чувство гордости (!) за «героическую смерть» на фронте. Но что есть героизм? – задается вопросом Клемперер. Героизм «есть не только мужество, не только способность поставить жизнь на карту. Все это есть у любого драчуна и каждого преступника», а героизм есть прежде всего способность служить благу человечества. По этой причине

¹⁹ Клемперер В. ЛТИ. С. 43.

²⁰ Там же. С. 43–44.

²¹ Там же. С. 46.

²² См.: Behrenbeck S. Der Kult um die toten Helden. Nationalsozialistische Mythen, Riten und Symbole 1923 bis 1945. Vierow bei Greifswald, 1996. S. 35.

²³ Клемперер В. ЛТИ. С. 68.

«официальный нацизм не знал достойного, подлинного героизма, он искал само понятие, создал ему дурную репутацию»²⁴. Тем не менее и в нацистской Германии существовал, по словам Клемперера, «тихий героизм», который был героизмом заключенных концлагерей или же немецких жен, решивших соединить свою судьбу с еврейскими мужчинами: «Представьте себе будни этих женщин! Сколько оскорблений, угроз, побоев, плевков вынесли они, сколько лишений перенесли, деля нормальный скудный рацион со своими мужьями»²⁵. Рассуждая сегодня о героизме людей в Третьем рейхе, мы имеем в виду именно этих, сохранивших свое достоинство женщин, а также заключенных концлагерей и участников Движения Сопротивления. Эти люди отказались применять терминологию национал-социализма. Однако полная изоляция человека от словаря его эпохи была невозможна и в Третьем рейхе.

Язык как «зеркало» тоталитаризма

Национал-социализм не только пополнил словарь немецкого языка новыми, но и изменил значение некоторых старых понятий. Отвратительное значение приобрел в немецком языке глагол «melden» («регистрироваться»). Фраза «он должен зарегистрироваться» означала, что человека вызвали в гестапо, причем подобная «регистрация» была наверняка связана с побоями и часто – с исчезновением человека²⁶. Близким по значению с «sich melden» является немецкий глагол «holen» («забрать»). Последний, однако, имеет более давнюю историю и является более широким по употреблению. «Забирали» евреев, христиан и даже арийцев, особенно в больших масштабах военные власти делали это летом 1939 г.²⁷ Замечу, что и в русском языке выражение «забрали» приобрело в условиях сталинского террора свой особый смысл, хотя в русском языке это слово имело и свои смысловые оттенки. Ведь кого-то могли «забрать» в армию, а кого-то – «забрать» и увести чекисты. В любом случае, как замечает Клемперер, в глаголе «забрать» чувствуется явный уклон к эзоповому языку, ибо забрать можно оставленный в магазине товар или ребенка из детского сада, но в тех случаях, когда «забирали» не вещи и не детей, а взрослого человека, то тогда все понимали, что тот, кого «забрали», был уже не в состоянии определять направление своего передвижения и место своего нахождения. Выражение «забрать» является, по сути, мерилom общественной свободы. Там, где по отношению к взрослым людям широко применяется выражение «забрали», там, как правило, существуют проблемы с человеческими правами и свободой. Здесь язык и мораль образовали неразрывный симбиоз.

Если слово «забрать» входит в словарь повседневных выражений, то слово «вечность» («Ewigkeit») относится к числу мировоззренческих, философских и религиозных понятий. Но нацисты широко применяли и это понятие. Причина

²⁴ Клемперер В. ЛТН. С. 5.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 105.

²⁷ Там же.

этого заключалась в том, что нацистский режим, не успев возникнуть, уже стал претендовать на вечность, которую «можно трактовать как последнюю ступеньку на длинной лестнице нацистских числовых суперлативов, и за этой ступенькой – уже небеса»²⁸. И кто этого не постиг, как пишет Клемперер, тот немедленно наказывался нацистами. Он приводит в качестве примера комично-грустную историю: на экзаменах для будущих ремесленников ученикам часто задавался коварный вопрос: «Что будет после Третьего рейха?». Если простодушный или замороченный ученик отвечал: «Четвертый рейх», то какие бы знания по специальности он ни показал, его безжалостно проваливали как недостойного ученика партии. Правильный ответ был таков: «После него не будет ничего, Третий рейх – это вечный рейх немецкой нации»²⁹. К счастью, «нацистская вечность» закончилась довольно быстро. В масштабах общечеловеческой истории двенадцатилетнее существование режима было, действительно, лишь мгновением, но однако за это время немецкий фашизм смог совершить такие преступления, которые до него никем и никогда не совершались. Самым большим злодеянием немецкого фашизма является Холокост. Клемперер одним из первых стал исследовать феномен нацистского антисемитизма с философско-исторических позиций. Он по праву указывает на то, что антисемитизм существовал во все времена и у всех народов, проявляя себя «то здесь, то там, то слабее, то сильнее; поэтому было бы в высшей степени несправедливо приписывать его именно немцам и им одним»³⁰. Действительно, несмотря на то, что само понятие «антисемитизм» вошло в оборот лишь в XIX в., различные формы ненависти и враждебности к евреям (нем. Antijudaismus) давали о себе знать уже с античных времен³¹. Но Клемперер сделал нечто большее: он указал на три «абсолютно новых и уникальных момента» в развитии антисемитизма в Третьем рейхе, которые не знала ни античная, ни средневековая история.

Во-первых, в нацистской Германии эпидемия антисемитизма «вспыхнула и разгорелась жарче, чем когда-либо, в то время, когда казалось, что она – как заразная болезнь – уже давно и навсегда ушла в прошлое»³². Вспышки холеры или чумы возникают и сейчас, но они носят преимущественно локальный характер. Поэтому люди считают, что эпидемии этих болезней навсегда остались в Средневековье. Но тут вдруг неожиданно для всех опустошительная эпидемия охватывает широкие массы людей и приводит к бесчисленным жертвам. Нечто подобное произошло с развитием антисемитизма в Германии. Мало кто до прихода к власти гитлеровцев предполагал, что антисемитизм в Европе

²⁸ Клемперер В. ЛТИ. С. 63.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 75.

³¹ См. восьмитомное издание: *Handbuch des Antisemitismus. Judenfeindschaft in Geschichte und Gegenwart* / Hrsg. von W. Benz. Berlin; Boston, 2008–2015. Второй том «Personen» (Berlin, 2009) описывает биографии общественных деятелей, мыслителей и ученых, внесших свой негативный вклад в развитие антисемитизма. Третий том «Begriffe, Ideologien und Theorien» (Berlin, 2010) посвящен истории антисемитских понятий, идеологий и теорий.

³² Клемперер В. ЛТИ. С. 75–76.

примет эпидемический характер и унесет жизни миллионов людей³³. Но дело приняло именно такой оборот.

Вторая особенность немецкого антисемитизма состоит в том, что он принял современные формы и современное обличье, ибо немецкий антисемитизм был антисемитизмом высокотехнологичного и индустриализированного общества:

Этот анахронизм явился вовсе не в облачениях прошлого, а в самом современном обличье, не как народные беспорядки, безумие и стихийные массовые убийства (хотя на первых порах и создавалось впечатление стихийности), а в самых совершенных организационных и технических формах; и сегодня, когда вспоминают об уничтожении евреев, на ум приходят газовые камеры Аушвица³⁴.

Третья и ключевая особенность нацистского антисемитизма заключается в том, что он основывался на расовых идеях. Если раньше еврею можно было по крайней мере во втором или третьем поколении после принятия христианства стать равноправным членом общества, то в условиях гитлеровского режима подобная смена идентичности стала невозможной. Основанная на биологических принципах расовая мораль принципиально исключала как возможность смены идентичности, так и возможность стереть различия между евреем и не евреем. «Расовая доктрина проводит это различие уже по крови, что делает всяческое уравнивание невозможным, увековечивает разделение и дает ему религиозную санкцию»³⁵. Клемперер приходит к выводу, что «своеобразие национал-социализма по сравнению с другими видами фашизма связано с расовой идеей, суженной и заостренной до антисемитизма, получившей дальнейшее развитие в антисемитизме»³⁶.

Характерные черты нацистской морали

Приступающий к анализу нацистской морали специалист немедленно обратит внимание на тот факт, что доказать нравственную необоснованность и теоретическую несостоятельность человеконенавистнической идеологии национал-социализма довольно несложно. Намного сложнее, однако, найти ответ на следующие вопросы: были ли нацисты абсолютно убеждены в моральной легитимности своих действий? Являлись ли они активными инициаторами или же лишь послушными исполнителями совершенных злодеяний? Каким образом враждебная человеку доктрина нацизма смогла в кратчайшее время овладеть широкими массами? Почему в этом случае не сработала «иммунная система» немецкого общества и отказали «нравственные механизмы» немецкого народа?

В морали национал-социализма нас поражает еще и тот факт, что нацистские преступники, о чем уже упоминалось выше, стремились к моральной

³³ Клемперер В. ЛТН. С. 75–76.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 77.

легитимации совершенных ими злодеяний. Они повсеместно употребляли такие понятия, как «совесть», «порядочность», «достоинство», «честь» и «долг». Употребляющий моральные категории преступник представляет собой, надо признать, отвратительное явление. Но на каком основании эти люди жонглировали моральными понятиями и категориями? Чего они пытались таким образом достичь? Нацисты стремились к оправданию своих преступных действий и с помощью моральных категорий. Именно на этот момент обратили свое внимание авторы коллективной монографии «Идеология и мораль национал-социализма»³⁷. В результате кропотливой работы им удалось реконструировать сложную мозаичную картину нравственного падения человека, в которой присутствуют антропологический, исторический, расовый и собственно моральный аспекты.

Антропологический аспект. Немецкий философ Рольф Циммерманн, характеризуя Холокост, обозначает его как радикальный «разрыв человека с человеческим родом» («Gattungsbruch») или как катастрофу человеческого рода («Gattungsversagen»), которая привела к разрыву человека с самим собой. Два этих понятия – «Gattungsbruch» и «Gattungsversagen» – вошли, благодаря Циммерманну, в научный арсенал моральной философии. Причина вышеописанного «разрыва» человека с самим собой лежит, по мнению философа, в этноцентричной партикулярной морали, которая одержала победу над основанной на принципах разума универсальной этикой³⁸.

Вольфганг Биалас, продолжая мысль Циммерманна о «Gattungsbruch», указывает на то, что Холокост раскрыл истинную, спрятанную «под тонким слоем культурной дрессировки» и «моральной фиксации», сущность человека, который, оказывается, только и ждал подходящего момента для того, чтобы снова превратить себя в бестию, каковой он, несмотря на свои цивилизованные одежды, остался³⁹. Циммерманн и Биалас концентрируют наше внимание на том факте, что существование морали возможно лишь там, где существует человек. Вне человека нет и не может быть морали. По этой причине анализ любой морали неизбежно включает в себя и анализ ее непосредственного носителя. Авторы сборника обратили внимание и на еще один важный аспект: любая «новая мораль» вынуждена обращаться к традициям прошлого, в котором и только в котором она в состоянии найти подтверждение своим моральным убеждениям. Национал-социализм не являлся в этом случае исключением.

Исторический аспект. Нацисты стремились вернуть человечество к «первоначальной» (племенной или родовой) морали, которая, по мнению Гитлера, была извращена и искажена «еврейской этикой». Свою задачу, как считает Гуннар Хейнзон, национал-социалисты видели в том, чтобы разрушить эту «извращенную этику», в которой они видели «источник заразы», и вернуть

³⁷ Ideologie und Moral im Nationalsozialismus / Hrsg. von W. Bialas, L. Fritze. Göttingen, 2014.

³⁸ Zimmermann R. Philosophie nach Auschwitz. Eine Neubestimmung von Moral in Politik und Gesellschaft. Reinbek bei Hamburg, 2005.

³⁹ Bialas W. Nationalsozialistische Ethik und Moral. Konzepte, Probleme und offene Fragen // Ideologie und Moral im Nationalsozialismus. S. 23.

немецкое общество в «мозаичную эпоху архаичной родовой и племенной морали»⁴⁰. Его мнение наглядно подтверждают следующие слова Гитлера:

Наша революция не только политическая и социальная. Мы находимся перед колоссальным переворотом моральных понятий и духовной ориентации человека... Мы завершаем ложный путь человечества. Скрижали Завета синайской горы потеряли свою силу. Совесть – это еврейское изобретение⁴¹.

«Еврейским изобретением» Гитлер, однако, считал не только совесть, но и 6-ю заповедь Ветхого Завета «не убий», которая, по его мнению, явилась причиной поражения Германии в Первой мировой войне. В будущей войне он стремился применить совершенно другую «этику», которая не знает никаких запретов, что ему и удалось осуществить на практике. Обратившийся к исследованию проблемы влияния войны на человеческую мораль американский специалист Петер Хаас пришел к выводу, что в условиях кровопролитных сражений универсальные этические принципы принципиально обречены на провал. Хаас демонстрирует нам это на примере Восточного фронта, солдаты которого довольно быстро приспособились к нацистской морали⁴². Но на каких принципах базировалась эта мораль?

Расовый аспект. В основе морали национал-социализма лежала идея, что абстрактного человечества и универсального человека «как такового» в реальности нет и быть не может, а есть лишь принадлежащие различным расам люди. Поэтому нацисты принципиально отвергали идею единого человечества, а также идею универсальной человеческой морали, поставив на их место «мораль господ», «мораль немецкого народа» и «мораль борьбы» («Herren-, Volks und Kampfmoral»)⁴³. Гитлеровский режим отбросил в сторону все, препятствующее достижению нацистских целей, и все моральные запреты, пошел на опасный эксперимент с моралью, который характеризуют следующие черты:

- существенное ограничение действия универсальных ценностей в соответствии с идеей «ценной» и «неполноценной» жизни;
- притязание нацистов в качестве «инженеров» искоренения «неполноценной» и выращивания «полноценной» жизни принимать решения о природно-биологических основах и культурных условиях человеческой жизни как таковой⁴⁴.

Мораль национал-социализма представляла собой «процедурную добродетельную мораль» («prozedurale Tugendmoral»)⁴⁵, в которой место разума занял каталог добродетелей и запретов, как считает Биалас. Однако в этой «добродетельной морали» доминировали прежде всего расовые категории. Все без исключения этические категории приобрели у нацистов ярко выраженную расовую окраску, ибо, говоря о совести, нацисты имели в виду прежде всего

⁴⁰ Heinsohn G. Hitlers Holocaust-Motiv // Ibid. S. 109–128.

⁴¹ Rauschnig H. Gespräche mit Hitler. Zürich, 2005. S. 129.

⁴² Haas P.J. Militärische Ethik im totalen Krieg // Ideologie und Moral im Nationalsozialismus. S. 117–192.

⁴³ Bialas W. Nationalsozialistische Ethik und Moral. S. 31.

⁴⁴ Ibid. S. 27.

⁴⁵ Ibid.

«расовую совесть»; рассуждая об ответственности, они подразумевали «расовую ответственность»; призывая к выполнению долга, они принципиально оставались на позиции «расового долга». Нацисты стремились искоренить из общества «расово чуждые элементы» («Artfremde»), а также уничтожить «общественных вредителей и паразитов» («Gemeinschaftsschädlinge»). Современному человеку трудно понять, почему нацисты употребляли подобные человеконенавистнические фразы и выражения. Но нацистская мораль основывалась на биологических фундаментах, которые позволяли ей разделять людей на категории приблизительно по такому же принципу, по которому систематизируются и существа природного мира.

Самоназначенные представители «высшей расы» были убеждены в том, что только они обладают правом решать, кто достоин жить на этой земле, а кто – нет. Таким образом нацистская мораль лишила значительную часть человечества не только возможности автономного развития и свободной самореализации, но и права на жизнь. Тем самым она переступила те границы, которые никакая мораль переступать не должна. И в этом заключалась существенная проблема нацистской морали.

Другой существенной чертой этой морали являлась идея «нового человека». Нацисты стремились к созданию «сверхчеловека» («низшие расы» были изначально лишены такой возможности). Они были уверены, что процесс создания «нового человека» можно планировать и реально организовать путем расового отбора и физического воспитания⁴⁶. Ключевым средством при этом являлся спорт, который позволял воспитывать «атлетическую молодежь» (athletische Jugend). Расистские фильмы («Der ewige Jude» или «Jud Süß») активно пропагандировали образ «нового человека», которого в немецких фильмах и книгах того времени олицетворяли спортивные и стройные, благородные и неустрашимые герои. По этой причине нацистский режим всячески поощрял развитие спорта и физическую закалку. «Быстрые, как борзые собаки, выносливые, как кожа, и крепкие, как крупковская сталь»⁴⁷ – такими должны были быть в представлении Гитлера молодые немцы. В центре «педагогической программы» национал-социализма стояла, таким образом, прежде всего цель физического развития человека. На последнем месте этой программы, как констатирует Клемперер, находилось развитие человеческого интеллекта:

Страх перед мыслящим человеком, ненависть к мысли как таковой постоянно проявляли себя у нацистов в самых различных формах. Причина этого страха заключалась в том, что тот, кто может мыслить и думать, не позволяет себя переговорить, а он ожидает, чтобы его переубедили; того, кто мыслит систематически, переубедить сложнее вдвойне. Вот почему ЛТИ не выносит слова «философия»...⁴⁸

⁴⁶ Bialas W. Nationalsozialistische Ethik und Moral. S. 27.

⁴⁷ «Flink wie Windhunde, zäh wie Leder und hart wie Kruppstahl» (цит. по: Betz A. Der "Neue Mensch" im Nationalsozialismus // Deutschlandfunk: Radiosendung der Reihe "Perversion einer Utopie". Teil 3. 07.11.2011. URL: https://www.deutschlandfunk.de/der-neue-mensch-im-nationalsozialismus.1184.de.html?dram:article_id=185410 (дата обращения: 26.05.2020).

⁴⁸ Клемперер В. ЛТИ. С. 55.

И действительно, любая философия является продуктом сложных размышлений и дискуссий. Философия с необходимостью предполагает сосуществование самых различных точек зрения. Однако в тоталитарных режимах различные точки зрения были абсолютно нежелательны. Ведь тоталитарные режимы имеют дело с «готовыми истинами», которые не подлежат обсуждению. Последней инстанцией, которая легитимирует «истинность» ключевых идей, целей и установок господствующего режима, является, как правило, вождь, вокруг которого создается ореол святости и непогрешимости. Главный пропагандист нацистского режима Геббельс в своей поздравительной речи по случаю дня рождения Гитлера от 20 апреля 1941 г. произносит следующую фразу: «Зачем нам знать, чего хочет фюрер, ведь мы верим в него»⁴⁹. Еще более фанатично звучат слова Геринга: «Все мы, от простого штурмовика до премьер-министра, существуем благодаря Адольфу Гитлеру и через него»⁵⁰. Прислушиваясь к подобным речам нацистских лидеров, приходишь к выводу, что и созданный нацистами «сверхчеловек» являлся в действительности лишь «инструментом» преступной власти.

Морально-нравственный аспект. Мораль национал социализма характеризуют две существенные черты: основанное на биологических принципах расистское мировоззрение и нацистская идея «сверхчеловека». Но являлась ли эта мораль «моралью»? Я думаю, что нет. В формальном отношении национал-социализм, без сомнения, создал свою систему нравственных ценностей. Однако эта «система» была основана на эволюционной этике неodarвинизма⁵¹, которая ориентировалась, скорее, на законы животного, а не человеческого мира. В этом смысле партикуляризм нацистской морали является довольно специфическим партикуляризмом, ибо он противопоставляет себя всему человечеству. Устранив границу между сферами нравственного и безнравственного, мораль национал-социализма осуществила тем самым акт собственного самоотрицания, который был одновременно и актом ее самоуничтожения. Таким образом национал-социализм лишил жизни не только массы людей, но и мораль, которая в условиях тоталитарного режима приняла форму анти-морали.

Другого мнения, однако, придерживается, Лотар Фритце, считающий, что нацисты имели свои «моральные убеждения» («moralische Überzeugungen»)⁵². Нацисты, без всякого сомнения, ориентировались на определенные нормы и правила поведения, в правоте которых они к тому же были абсолютно убеждены (поэтому Фритце называет их «Täter mit gutem Gewissen»⁵³, т.е. «преступниками с чистой совестью»). Но здесь возникает вопрос, имеем ли мы право, исходя из одних только формальных признаков (например, наличие моральных норм, принципов или убеждений), утверждать, что национал-социализм обладал моралью? Имеем ли мы право называть моралью такую мораль,

⁴⁹ Клемперер В. LTI. С. 64.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Weikart R. Die Rolle der Evolutionsethik in der NS-Propaganda und im weltanschaulichen NS-Unterricht // Ideologie und Moral im Nationalsozialismus. S. 193–208.

⁵² Fritze L. Hatten die Nationalsozialisten eine andere Moral? // Ideologie und Moral im Nationalsozialismus. S. 68–69.

⁵³ Ibid. S. 72.

которая привела к радикальному и абсолютному разрыву человеческого рода с самим собой («Gattungsbruch»)? Не должно ли понятие «мораль» иметь какие-то границы, покидая которые, оно, как и любое другое понятие, перестает быть самим собой? Не случайно в нашем словаре имеется понятие «аморальный» (нем. «unmoralisch»), которое обозначает уничтожение или саморазрушение морали.

Нацистская идеология экстремально обесценила человеческую жизнь. Клемперер замечает по этому поводу, что обесценение человеческой жизни происходило и в другие эпохи человеческой истории. Первые попытки обесценения человека известны с глубокой древности, о чем свидетельствует слово «раб», который в глазах своего господина являлся не «самоцелью», а «средством». Индустриальная эпоха изобрела такое понятие, как «человеческий материал», Первая мировая война заставила говорить о солдатах как «пушечном мясе», а Холокост превратил людей в «штуки». В качестве примера Клемперер цитирует показания надзирательницы концлагеря Бельзен перед военным судом, которая заявила суду, что в такой-то день в ее распоряжении было «шестнадцать штук заключенных». Подобные высказывания, замечает Клемперер, свидетельствуют о буквальном «превращении людей в вещи»⁵⁴, т.е. о разрушении морали.

Тоталитарный язык и современность

Если национал-социализм и оставил после себя какие-то «следы», то прежде всего «языковые». Язык национал-социализма начинает оживать в современной Германии в такие моменты, когда здесь снова начинают употребляться враждебные по отношению к каким-либо этническим или национальным меньшинствам термины и понятия. Особенно охотно их применяет сегодня право-популистская партия «Альтернатива для Германии» (AfD: Alternative für Deutschland). Покинувшая эту партию молодая девушка Франциска Шрейбер пишет в своей ставшей бестселлером книге «Inside AfD»⁵⁵, что по вине АдГ старые, практически забытые, понятия из языка национал-социалистов реанимируются и возвращаются в наш современный язык. АдГ, разумеется, напрямую не использует фразеологию национал-социализма, но она часто употребляет фразы и выражения, которые напоминают нам нацистские штампы: «sogenannte „Flüchtlinge“» («так называемые „беженцы“»), «Volksverräter» («предатели народа»), «Lügenpresse» («лживая пресса»). АдГ призывает защищать интересы *прежде всего* собственного народа («Die Interessen des eigenen Volkes gehen alles anderem vor»). Один из лидеров этой партии Александр Гауланд заявил, что после федеральных выборов партия будет «охотиться» за Меркель, а ответственную за вопросы интеграции Айдан Озогуз (женщину-политика турецкого происхождения) отправит туда, откуда она родом – в Анатолию⁵⁶.

⁵⁴ Клемперер В. ЛТИ. С. 84.

⁵⁵ Schreiber F. Inside AfD. Der Bericht einer Aussteigerin. München, 2018.

⁵⁶ «Mit jeder Provokation werden die Grenzen dessen erweitert, was sagbar ist» (Geplante Provokation: Eine Analyse der Sprache der AfD. URL: <https://web.de/magazine/politik/geplante-provokation-analyse-sprache-afd-32993878> (дата обращения: 26.05.2020)).

В немецком парламенте опять звучит язык экстремистов, и люди к этому постепенно привыкают. Таким образом запретная языковая планка опускается все ниже, позволяя произносить то, что раньше, исходя из моральных и политических стандартов, произносить было невозможно⁵⁷. Немецкий историк Магнус Брехткен по праву замечает, что

понятия всегда предшествуют поступкам. Любое мышление выражает себя в языке, и любые действия следуют из языка и понятий. Поэтому анализ языка и понятий есть первый шаг к осмыслению того, какие мысли люди имели и какие действия из этих мыслей последовали. Вне всякого сомнения находится тот факт, что люди используют расистские, националистические, агрессивные понятия для того, чтобы с их помощью заставить общество воспринимать мир с определенной перспективы, которая позволит им реализовать те цели, которые эти понятия выражают⁵⁸.

Мы вынуждены согласиться с Брехткеном. Радикальная ломка устоявшихся нравственных принципов и норм начинается с эволюции языка, что подтверждает история всех без исключения тоталитарных режимов, которые, как правило, начинали поиск своего врага с определенных слов и выражений. Это в полной мере касается и такого феномена как большевизм⁵⁹. Какие выводы следуют из нашего анализа?

Человек должен осознавать ответственность не только за «свой» язык, но и за свою мораль, которая, разумеется, должна оставаться «субъективным принципом воления» («das subjektive Prinzip des Wollens»), т.е. субъективной максимой, но при этом такой максимой, в которой свое отражение получил бы объективный и универсальный закон («das praktische Gesetz») ⁶⁰, как справедливо утверждал Кант. Нацисты вступили в спор с Кантом и потерпели колоссальное поражение.

Список литературы

Буллер А. Мораль и язык большевизма // Этич. мысль / Ethical Thought. 2020. Т. 20. № 1. С. 112–129.

Клемперер В. ЛТИ. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога. URL: http://almenda.org/wp-content/uploads/2015/03/klemperer_viktor_lti_yazyk_tretego_reiha_zapishnaya_knizhka_filologa_2015_03_15_23_16_13_461.pdf (дата обращения: 26.05.2020).

Behrenbeck S. Der Kult um die toten Helden. Nationalsozialistische Mythen, Riten und Symbole 1923 bis 1945. Vierow bei Greifswald: SH-Verlag, 1996. 688 S.

Betz A. Der “Neue Mensch” im Nationalsozialismus // Deutschlandfunk: Radiosendung der Reihe “Perversion einer Utopie”. Teil 3. 07.11.2011. URL: <https://www.deutschlandfunk.de/>

⁵⁷ «Mit jeder Provokation werden die Grenzen dessen erweitert, was sagbar ist» (Geplante Provokation: Eine Analyse der Sprache der AfD. URL: <https://web.de/magazine/politik/geplante-provokation-analyse-sprache-afd-32993878> (дата обращения: 26.05.2020)).

⁵⁸ Nefzger A. Ist Björn Höcke ein Nazi? Interview mit Historiker Magnus Brechtken // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 19.07.2019.

⁵⁹ См.: Буллер А. Мораль и язык большевизма // Этич. мысль / Ethical Thought. 2020. Т. 20. № 1. С. 112–129.

⁶⁰ Kant I. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten. Hamburg, 1994. S. 19.

der-neue-mensch-im-nationalsozialismus.1184.de.html?dram:article_id=185410 (дата обращения: 26.05.2020).

Bialas W., Fritze L. Einleitug // Ideologie und Moral im Nationalsozialismus / Hrsg. von W. Bialas, L. Fritze. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014. S. 9–20.

Bialas W. Nationalsozialistische Ethik und Moral. Konzepte, Probleme und offene Fragen // Ideologie und Moral im Nationalsozialismus / Hrsg. von W. Bialas, L. Fritze. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014. S. 23–64.

Geplante Provokation: Eine Analyse der Sprache der AfD. URL: <https://web.de/magazine/politik/geplante-provokation-analyse-sprache-afd-32993878> (дата обращения: 26.05.2020).

Handbuch des Antisemitismus. Judenfeindschaft in Geschichte und Gegenwart / Hrsg. von W. Benz. Bd. 1–8. Berlin; Boston: De Gruyter, 2008–2015.

Haas P.J. Militärische Ethik im totalen Krieg // Ideologie und Moral im Nationalsozialismus / Hrsg. von W. Bialas, L. Fritze. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014. S. 117–192.

Heinsohn G. Hitlers Holocaust-Motiv // Ideologie und Moral im Nationalsozialismus / Hrsg. von W. Bialas, L. Fritze. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014. S. 109–128.

Fritze L. Hatten die Nationalsozialisten eine andere Moral? // Ideologie und Moral im Nationalsozialismus / Hrsg. von W. Bialas, L. Fritze. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014. S. 65–106.

Kant I. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten. Hamburg: Meiner, 1994. 100 S.

Koenen G. Bolschewismus und Nationalsozialismus. Geschichtsbild und Gesellschaftsentwurf // Terroristische Diktaturen im 20. Jahrhundert. Strukturelemente der nationalsozialistischen und stalinistischen Herrschaft / Hrsg. von M. Vetter. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996. S. 172–207.

Nefzger A. Ist Björn Höcke ein Nazi? Interview mit Historiker Magnus Brechtken // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 19.07.2019.

Rauschning H. Gespräche mit Hitler. Zürich: Europa Verlag, 2005. 279 S.

Schreiber F. Inside AfD. Der Bericht einer Aussteigerin. München: Europa Verlag, 2018. 220 S.

Weikart R. Die Rolle der Evolutionsethik in der NS-Propaganda und im weltanschaulichen NS-Unterricht // Ideologie und Moral im Nationalsozialismus / Hrsg. von W. Bialas, L. Fritze. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014. S. 193–208.

Zimmermann R. Philosophie nach Auschwitz. Eine Neubestimmung von Moral in Politik und Gesellschaft. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt-Taschenbuch-Verlag, 2005. 267 S.

Morality and Language of National Socialism

Andreas Buller

Dr. Phil. Ministry of Social Affairs and Integration Baden-Württemberg; Tomsk State University; Moscow State University of Humanities. Else-Josenhans-Straße 6, Stuttgart, 70173, Germany; e-mail: andreas.buller@gmail.com

This article presents an analysis of the diaries of the well-known German philologist of Jewish origin Victor Klemperer, who kept them in the Third Reich. From the perspective of these diaries, the author of the article examines the three central problems of the totalitarian language: the problem of its genesis and dissemination, the problem of the relationship of language with the ideology and morality of Nazi society, and, finally, the problem of personal responsibility, especially the responsibility of public persons for the public language. Klemperer asks himself a question that we must ask ourselves as well: how can the language of a minor extremist (racist, religious, revolutionary) minority become the language of the majority? Furthermore, under what conditions does this linguistic change happen? Under what conditions does the totalitarian language emerge and spread? The danger of the totali-

tarian language is that it creates a seemingly legitimate basis to exclude a particular group or even specific groups from the society, thereby turning certain people into outsiders. The totalitarian language allows people to draw, mark and select. But behind this linguistic selection there is always a certain morality that implies concrete moral convictions and ethical ideas. And so it was with the morality of National Socialism. The National Socialist morality was characterized by the spirit of racism and anti-Semitism, which manifested itself primarily in the language of National Socialism. For this reason, we need to study the National Socialist language. But it also presupposes the study of National Socialist morality. This morality appears from time to time in the modern German language, esp. in the language of modern German extremists and racists. It poses a great danger to our society. In this respect, the study of the language of extremism can help us a lot, not only in order to recognize the close relationship between language and morality, but also possibly to avoid social catastrophes.

References

Behrenbeck, S. *Der Kult um die toten Helden. Nationalsozialistische Mythen, Riten und Symbole 1923 bis 1945*. Vierow bei Greifswald: SH-Verlag, 1996. 688 S.

Betz, A. Der "Neue Mensch" im Nationalsozialismus. Deutschlandfunk: Radiosendung der Reihe "Perversion einer Utopie". Teil 3. 07.11.2011 [https://www.deutschlandfunk.de/der-neue-mensch-im-nationalsozialismus.1184.de.html?dram:article_id=185410, accessed on 26.05.2020].

Bialas, W., Fritze, L. "Einleitug", *Ideologie und Moral im Nationalsozialismus*, hrsg. von W. Bialas, L. Fritze. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014, S. 9–20.

Bialas, W. "Nationalsozialistische Ethik und Moral. Konzepte, Probleme und offene Fragen", *Ideologie und Moral im Nationalsozialismus*, hrsg. von W. Bialas, L. Fritze. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014, S. 23–64.

Buller, A. "Moral' i yazyk bol'shevizma" [Morality and Language of Bolshevism], *Eticheskaya mysl' / Ethical Thought*, 2020, Vol. 20, No. 1, pp. 112–129. (In Russian)

Geplante Provokation: Eine Analyse der Sprache der AfD [<https://web.de/magazine/politik/geplante-provokation-analyse-sprache-afd-32993878>, accessed on 26.05.2020].

Handbuch des Antisemitismus. Judenfeindschaft in Geschichte und Gegenwart, hrsg. von W. Benz. Bd. 1–8. Berlin; Boston: De Gruyter, 2008–2015.

Klemperer, V. *LTI. Yazyk tret'ego reikha. Zapishnaya knizhka filologa* [LTI. Notizbuch eines Philologen] [http://almenda.org/wp-content/uploads/2015/03/klemperer_viktor_lti_yazyk_tretego_reiha_zapishnaya_knizhka_filologa_2015_03_15_23_16_13_461.pdf, accessed on 26.05.2020]. (In Russian)

Haas, P.J. "Militärische Ethik im totalen Krieg", *Ideologie und Moral im Nationalsozialismus*, hrsg. von W. Bialas, L. Fritze. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014, S. 117–192.

Heinsohn, G. "Hitlers Holocaust-Motiv", *Ideologie und Moral im Nationalsozialismus*, hrsg. von W. Bialas, L. Fritze. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014, S. 109–128.

Fritze, L. "Hatten die Nationalsozialisten eine andere Moral?", *Ideologie und Moral im Nationalsozialismus*, hrsg. von W. Bialas, L. Fritze. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014, S. 65–106.

Kant, I. *Grundlegung zur Metaphysik der Sitten*. Hamburg: Meiner, 1994. 100 S.

Koenen, G. "Bolschewismus und Nationalsozialismus. Geschichtsbild und Gesellschaftsentwurf", *Terroristische Diktaturen im 20. Jahrhundert. Strukturelemente der nationalsozialistischen und stalinistischen Herrschaft*, hrsg. von M. Vetter. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996, S. 172–207.

Nefzger, A. "Ist Björn Höcke ein Nazi? Interview mit Historiker Magnus Brechtken", *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 19.07.2019.

Rauschnig, H. *Gespräche mit Hitler*. Zürich: Europa Verlag, 2005. 279 S.

Schreiber, F. *Inside AfD. Der Bericht einer Aussteigerin*. München: Europa Verlag, 2018. 220 S.

Weikart, R. "Die Rolle der Evolutionsethik in der NS-Propaganda und im weltanschaulichen NS-Unterricht", *Ideologie und Moral im Nationalsozialismus*, hrsg. von W. Bialas, L. Fritze. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014, S. 193–208.

Zimmermann, R. *Philosophie nach Auschwitz. Eine Neubestimmung von Moral in Politik und Gesellschaft*. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt-Taschenbuch-Verlag, 2005. 267 S.